

премѣнно прочиталъ бы во взглядѣ, какимъ онъ окинулъ опустѣвшую комнату, страстный протестъ души, сознающей свою геніальность, противъ жестокой судьбы, закинувшей его сюда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только соображалъ, чья это шляпа осталась на вѣшалкѣ у противоположной стѣны.

Но если Маркъ не былъ геніемъ, то въ его манерахъ было что-то обольстительное, какая-то пріятная самоувѣренность, тѣмъ болѣе похвальная, что до сихъ поръ его очень мало поощряли въ этомъ смыслѣ.

Онъ одѣвался хорошо, что производило извѣстное дѣйствіе на его классъ, такъ какъ школьники склонны критиковать небрежность въ костюмѣ своего начальства, хотя сами и не слишкомъ заботятся о томъ, какъ одѣты. Они считали его „страшнымъ щеголемъ“, хотя онъ и не особенно щегольски одѣвался, а только любилъ, возвращаясь домой по Пикадилли, имѣть видъ челоуѣка, только-что разставшагося съ своимъ клубомъ и ничѣмъ особенно не занятымъ.

Онъ не былъ непопуляренъ между школьниками: ему было до нихъ столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга, но ему нравилась популярность, а благодаря своему безпечному добродушію, онъ безъ всякаго усилія достигалъ ея. Школьники уважали также его знанія и толковали о немъ между собой, какъ о челоуѣкѣ, „у котораго башка не сѣномъ набита“, такъ какъ Маркъ умѣлъ при случаѣ щегольнуть ученостью, производившей сильное впечатлѣніе.

Въ этихъ случаяхъ онъ уклонялся отъ своего предмета и по всей вѣроятности зналъ, что его ученость не выдержитъ слишкомъ серьезной критики, но вѣдь за то и некому было серьезно критиковать его.

Любопытство, возбужденное въ немъ шляпой и пальто, висѣвшими на вѣшалкѣ въ то время, какъ онъ сидѣлъ за своимъ пюпитромъ, было удовлетворено: дверь, верхняя половина которой была стеклянная и защищена переплетомъ изъ толстой проволоки, — предосторожность, конечно, не лишняя въ данномъ случаѣ, — отворилась и показался маленькій мальчикъ, блѣдный и разстроенный, держа въ рукѣ длинную полосу синяго картона.

— Эге! Лангтонъ, — сказалъ Маркъ, завидя его: — такъ это вы не ушли домой? Въ чемъ дѣло?

— Ахъ! сэръ! — началъ жалобно мальчикъ: — я попалъ въ ужасную бѣду.

— Очень жаль, — замѣтилъ Маркъ: — въ чемъ же дѣло?

— Да я вовсе и не виноватъ, — отвѣчалъ тотъ. — Дѣло было